

Митрополит Иларион
(Алфеев)

Евангелие Достоевского

митрополит Иларион (Алфеев)

Евангелие Достоевского

Торговый Дом "Познание"

2024

УДК 281.97:82-09
ББК 86.372-83.(3)2

(Алфеев) м.

Евангелие Достоевского / м. (Алфеев) — Торговый Дом
"Познание", 2024

ISBN 978-5-6050484-1-1

Достоевский — один из самых сложных для понимания русских писателей. Как никто другой, он заставляет читателя думать, ставя вопросы и не давая на них прямые ответы. И Евангелие — один из ключей, при помощи которых открывается мирозерцание Достоевского. А сочинения Достоевского могут для кого-то стать ключом к открытию для себя Евангелия. Название новой книги митрополита Илариона — «Евангелие Достоевского» — имеет двойной смысл. Речь в ней пойдет не только о том Евангелии, которое всю жизнь читал Достоевский, но и о том, которое он писал. Ибо его творчество было «благой вестью» для русского народа — пророческой и апостольской вестью о спасении через Христа. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 281.97:82-09
ББК 86.372-83.(3)2

ISBN 978-5-6050484-1-1

© (Алфеев) м., 2024
© Торговый Дом "Познание", 2024

Содержание

Предисловие	7
Глава 1. Евангелие Достоевского	9
Детство	15
Юность	20
«Бедные люди»	23
Встреча с Белинским	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Митрополит Иларион (Алфеев) Евангелие Достоевского

К 140-летию со дня кончины и 200-летию со дня рождения

© Митрополит Иларион (Алфеев), 2024

© Издательский дом «Познание», оформление, 2024

«Люди, люди – это самое главное. Люди дороже даже денег. Людей ни на каком рынке не купишь и никакими деньгами, потому что они не продаются и не покупаются.»

«Дневник писателя»

Предисловие

«Это был не только апостол... это был пророк; это был всему доброму учитель; это была наша общественная совесть». Так через несколько дней после смерти Достоевского писал о нем коллекционер и меценат Павел Третьяков в письме художнику Ивану Крамскому.

Прошло 140 лет со дня кончины Достоевского и 200 лет со дня его рождения. О нем написаны сотни книг и тысячи статей. Но для многих он продолжает оставаться загадкой.

Название этой книги – «Евангелие Достоевского» – имеет двойной смысл. Речь в ней пойдет не только о том Евангелии, которое он всю жизнь читал, но и о том, которое писал. Ибо его творчество было «благой вестью» для русского народа – пророческой и апостольской вестью о спасении через Христа.

Достоевский – один из самых сложных для понимания русских писателей. Как никто другой, он заставляет читателя думать, ставя вопросы и не давая на них прямые ответы. И Евангелие – один из ключей, при помощи которых открывается мирозерцание Достоевского. А сочинения Достоевского могут для кого-то стать ключом к открытию для себя Евангелия.

Итальянская исследовательница С. Сальвестрони посвятила целую книгу библейским и святоотеческим источникам в творчестве Достоевского. Она отмечает особую роль, которую Евангелие играет в жизни героев его романов: «Раскольников, Ставрогин, Степан Трофимович, Ипполит, Алеша просят почитать или слушают чтение евангельского текста в те критические моменты, когда им необходимо выяснить что-то самое важное в своем существовании и когда они не могут этого сделать самостоятельно. Для каждого из них цитата из Евангелия является уже знакомым текстом, наполненным понятным им смыслом. Однако каждый герой слышит отрывок так, как будто он адресован именно ему и только ему».

В изданном недавно в Тобольске трехтомнике «Евангелие Ф. М. Достоевского» второй том целиком посвящен выявлению новозаветных цитат и аллюзий в произведениях Достоевского. Эта грандиозная и кропотливая работа, проведенная Б. Н. Тихомировым, демонстрирует глубокое знание Достоевским всех книг Нового Завета, включая четыре Евангелия, Деяния апостольские, послания Павла, соборные послания и Апокалипсис. Романы Достоевского буквально пересыпаны библейскими текстами, в особенности – цитатами из Евангелия.

В русской литературе Достоевский стоит особняком. Он ни на кого не похож. У него почти не встречаются пейзажи, его мало интересует быт. Все его внимание поглощено решением вечных вопросов человеческого бытия, чем круглосуточно занимаются основные персонажи его романов. Он проникает в тайники человеческой души, в ее самые потаенные уголки и глубины, извлекая на свет то, что обычно находится в темноте.

Почти в каждом его произведении сюжет вращается вокруг преступления, которое сначала тщательно готовится, потом совершается, затем расследуется. Преступление никогда не остается без наказания, хотя наказание не всегда бывает адекватно преступлению, а иногда за преступление одного может понести наказание другой.

Человек стоит в центре творчества Достоевского. «Люди, люди – это самое главное. Люди дороже даже денег. Людей ни на каком рынке не купишь и никакими деньгами, потому что они не продаются и не покупаются», – говорит он в «Дневнике писателя». Но людей он рассматривает, прежде всего, в христианской перспективе, обращая внимание на самое главное:

то, как каждый человек позиционирует себя по отношению к Богу и по отношению к другим людям. Христианский духовно-нравственный идеал становится главным критерием, по которому писатель оценивает своих героев.

В произведениях Достоевского надо всем главенствует активный познавательный процесс. Они представляют собой рассказ о том, как шел познавательный процесс условного «рассказчика», его грандиозные «дознания», как бы облава на факты, художественное «следствие» и «расследование». Это связано с тем, что в основе большинства крупных произведений Достоевского лежит преступление – чаще всего убийство... Стиль Достоевского – это стиль, в котором ясно проступает стремление к стимулирующей мысль читателя незаконченности. Это стиль, рассчитанный на то, чтобы провоцировать у читателя свои выводы, заключения и размышления. Достоевский недоговаривает, намекает, выражается как бы неточно и вместе с тем с какой-то поражающей утонченностью. Он заставляет читателя думать и делать свои выводы.

Д. С. Лихачев. «Небрежение словом» у Достоевского

В настоящей книге христианское мировоззрение Достоевского рассматривается на фоне его биографии и на основе четырех его романов: «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы» и «Братья Карамазовы». В качестве дополнительных источников привлекаются другие его произведения, в том числе роман «Подросток», «Дневник писателя», письма и записные книжки, а также воспоминания о Достоевском его родственников и друзей. Творчество писателя представлено в общем контексте русской литературы XIX века и общественно-политической ситуации России его времени.

Глава 1. Евангелие Достоевского

«Я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже... до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И, однако же, Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил в себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа...»

Н. Д. Фонвизина. Неизвестный художник. 1820-е гг.

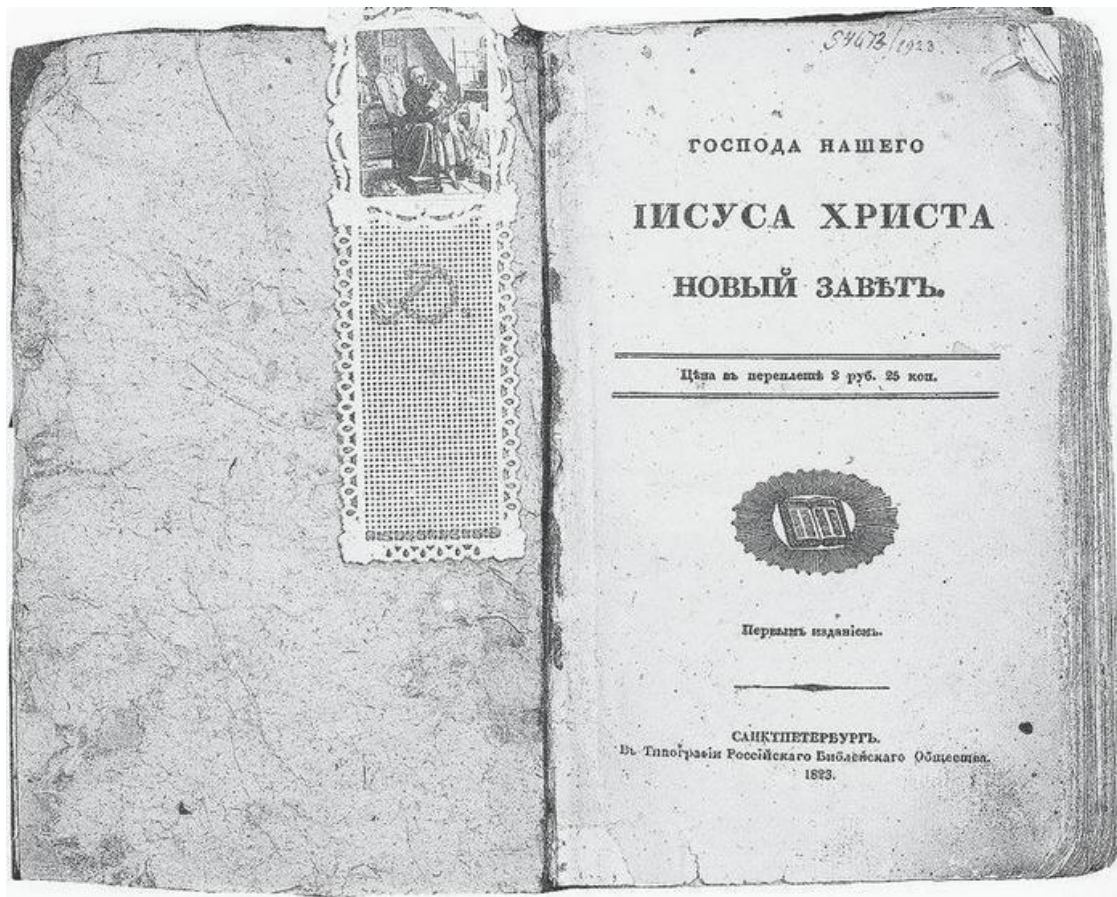
Ж. А. Муравьева. Гравюра. XIX в.

П. Е. Анненкова. 1825 г.

Так в феврале 1854 года Федор Михайлович Достоевский писал Наталии Дмитриевне Фонвизиной, жене одного из декабристов, последовавшей в Сибирь за своим мужем. За четыре года до этого, когда Достоевский, приговоренный к каторжным работам, прибыл, закованный в кандалы, в Тобольский острог, она вместе с двумя другими женами декабристов – Ж. А. Муравьевой и П. Е. Анненковой – добилась разрешения встретиться с осужденными, проходившими по «делу петрашевцев». Каждому из осужденных при встрече был вручен экземпляр Нового Завета – единственной книги, которую разрешалось держать и читать на каторге.

Что-то особенное открылось Достоевскому через чтение Евангелия, что навсегда приковало его духовный взор к личности Христа. И вот сейчас, когда каторга позади и Достоевский ожидает отправки в Семипалатинск для прохождения там военной службы в чине рядового, он рассказывает Фонвизиной о своем «символе веры», который был не просто вычитан им из подаренной книги: он был выстрадан страшным опытом каторги.

Евангелие, подаренное сосланному на каторгу писателю в 1850 году в Тобольске Н. Д. Фонвизиной

Экземпляр, подаренный Достоевскому Фонвизиной, представлял собой первое издание русского перевода Нового Завета, сделанного под руководством протоиерея Герасима Павского и под общим наблюдением архиепископа Филарета (Дроздова), впоследствии митрополита Московского и Коломенского. Перевод увидел свет в 1823 году, в царствование императора Александра I, за два года до восстания декабристов. До появления этого перевода Евангелие можно было читать только по-славянски, образованное же сословие, включая самого императора, читало его по-французски.

Достоевский не расставался с этой книгой ни на каторге, ни в последующие годы. Она была не просто его настольной книгой, она была книгой всей его жизни. Все его произведения, написанные после каторги, пересыпаны цитатами из Нового Завета, аллюзиями на тексты Священного Писания. Многие евангельские образы лежат в основе его философских воззрений, многие изречения Христа становятся отправной точкой в рассуждениях героев его романов. Достоевского невозможно понять без понимания той исключительной роли, которую сыграло Евангелие в его творчестве и жизни.

«В мировой литературе было немало писателей, которые превосходно знали Священное Писание, изучали его, использовали идеи и образы в своем творчестве. Но вряд ли найдется

кто-либо еще, кто, как Достоевский, не только четыре года читал только одно Евангелие, но пережил и прожил его как свою судьбу – страдания, смерть и воскрешение Христа как свою смерть в Мертвом Доме и свое воскрешение в новую жизнь», – пишет В. Н. Захаров.

Детство

Достоевский был воспитан в православной вере. «Я происходил из семейства русского и благочестивого... Мы... знали Евангелие чуть ли не с первого детства», – вспоминал он.

Дед Федора Михайловича, Андрей Григорьевич Достоевский, был священником на Украине, в Каменец-Подольской губернии. Отец, Михаил Андреевич, окончил духовную семинарию, потом приехал в Москву, получил медицинское образование. Служил лекарем в Московской больнице для бедных. Мать, Мария Федоровна, отличалась глубоким христианским благочестием.

«Без святого и драгоценного, унесенного в жизнь из воспоминаний детства, не может и жить человек», – говорил Достоевский. Одно из первых его воспоминаний – домашняя молитва перед образами. По воскресеньям и праздникам вся семья, в которой было семеро детей, ходила в больничную церковь.

Летом мать с детьми ездила в Троице-Сергиеву лавру, где они «проводили два дня, посещали все службы». Спустя много лет, в 1859 году, возвращаясь из сибирской ссылки, Федор Михайлович вновь приехал сюда и остался под большим впечатлением от места, которое знал с детства. «Что за архитектура, какие памятники, – писал он. – Ризница привела нас в изумление... Одежды нескольких веков – работы собственноручные русских цариц и царевен, домашние одежды Ивана Грозного, монеты, старые книги, всевозможные редкости – не вышел бы оттуда».

Мария Федоровна Достоевская – мать писателя

В воспитании мальчика участвовала няня, Алена Фроловна, научившая его молитве «Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, сохрани мя под кровом Твоим». Эту молитву Достоевский будет повторять всю последующую жизнь, ею будет напутствовать ко сну своих детей.

Образ матери был особенно дорог Достоевскому. В романе «Подросток» Аркадий Долгорукий говорит матери: «Помню еще около дома огромные деревья, липы кажется, потом иногда сильный свет солнца в открытых окнах, палисадник с цветами, дорожку, а вас, мама, помню ясно только в одном мгновении, когда меня в тамошней церкви раз причащали и вы приподняли меня принять Дары и поцеловать Чашу; это летом было, и голубь пролетел насквозь через купол, из окна в окно...» Эти слова отражают детские воспоминания Достоевского.

Книга, по которой Достоевский учился читать под руководством матери, называлась «Сто четыре священные истории Ветхого и Нового Завета, выбранные из Священного Писания», своего рода пересказ Библии для семейного чтения. Впечатления от этой книги и от чтения Священного Писания в храме глубоко врезались в память писателя: «Была у меня тогда книга, священная история, с прекрасными картинками, под названием “Сто четыре священные

истории Ветхого и Нового Завета», и по ней я и читать учился. И теперь она у меня здесь на полке лежит, как драгоценную память сохраняю. Но и до того еще как читать научился, помню, как в первый раз посетило меня некоторое проникновение духовное, еще восьми лет от роду. Повела матушка меня одного (не помню, где был тогда брат) во храм Господень, в Страстную неделю в понедельник к обедне. День был ясный, и я, вспоминая теперь, точно вижу вновь, как возносился из кадила фимиам и тихо восходил вверх, а сверху в куполе, в узенькое окошечко, так и льются на нас в церковь Божья лучи, и, восходя к ним волнами, как бы таял в них фимиам. Смотрел я умиленно и в первый раз от роду принял я тогда в душу первое семя слова Божия осмысленно. Вышел на средину храма отрок с большою книгой, такую большую, что, показалось мне тогда, с трудом даже и нес ее, и возложил на нагой, отверз и начал читать, и вдруг я тогда в первый раз нечто понял, в первый раз в жизни понял, что во храме Божиим читают». Эти слова старца Зосимы из «Братьев Карамазовых» отражают собственный духовный опыт Достоевского в ранние годы его жизни. А книга, которую читал отрок в храме, – не что иное как Книга Иова, одна из любимых книг Достоевского.

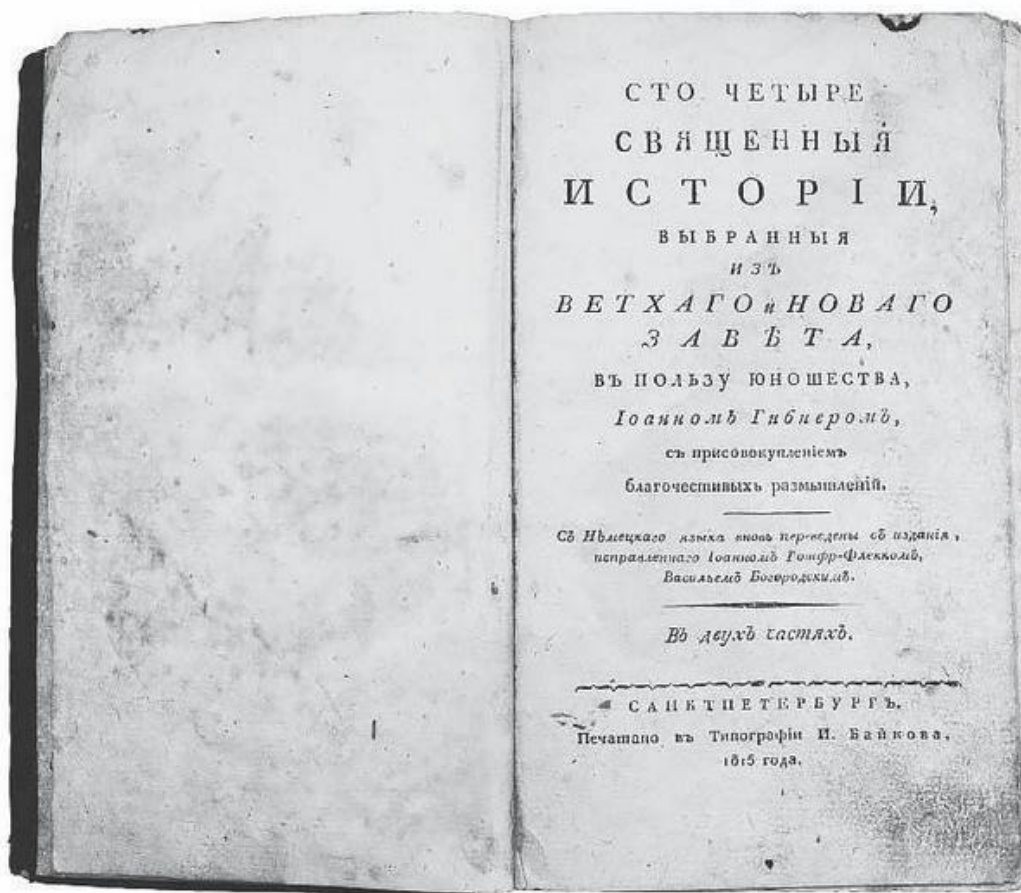

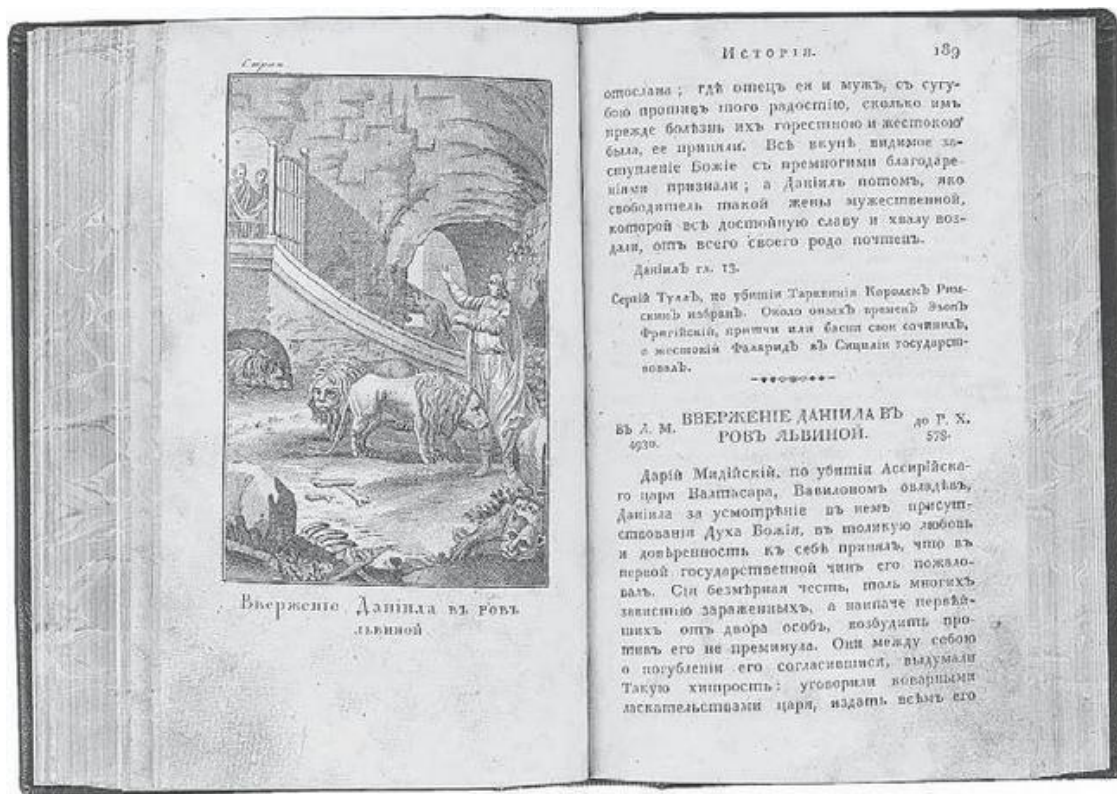
Троице-Сергиева лавра. Фотография. XIX в.

Из слов старца Зосимы мы узнаем также о других библейских историях, поразивших воображение Достоевского еще в детстве. Особенно трогала его история Иосифа и его братьев: «Про чтим, – советует старец Зосима, – об Аврааме и Сарре, об Исааке и Ревекке, о том, как Иаков вошел к Лавану и боролся во сне с Господом... Прочти им, а деткам особенно, о том, как братья продали в рабство родного брата своего, отрока милого, Иосифа... Прочти, как потом братья приезжали за хлебом в Египет и Иосиф, уже царедворец великий, ими не признанный, мучил их, обвинил, задержал брата Вениамина, и все любя... Уходит наконец от них, не выдержав сам муки сердца своего, бросается на одр свой и плачет; утирает потом лицо свое и выходит сияющ и светел и возвещает им: «Братья, я Иосиф, брат ваш!» Пусть прочтет он далее о том, как обрадовался старец Иаков, узнав, что жив еще его милый мальчик, и потянулся в Египет, бросив даже отчизну, и умер в чужой земле, изрекши на веки веков в завещании своем величайшее слово, вмещавшееся таинственно в кротком и боязливом сердце его во всю его

жизнь, о том, что от рода его, от Иуды, выйдет великое чаяние мира, Примиритель и Спаситель его!»

Приходил в семью Достоевских и законоучитель, дьякон Илья Хинковский, который рассказывал детям «из Писания». О нем сохранил воспоминания Андрей Достоевский, младший брат Федора: «Многих впоследствии имел я законоучителей, но такого, как отец дьякон, не припомню. Он имел отличный дар слова, и весь урок, продолжавшийся по-старинному часа полтора-два, проводил в рассказах, или, как у нас говорилось, в толковании Священного Писания. Бывало придет, употребит несколько минут на спрос уроков и сей час же приступит к рассказам. О потопе, о приключениях Иосифа, о Рождестве Христове он говорил особенно хорошо, так, что бывало и маменька, оставив свою работу, начинает не только слушать, но и глядеть на воодушевляющегося преподавателя. Положительно могу сказать, что он своими уроками и своими рассказами умилял наши детские сердца».

Фрагменты книги «Сто четыре священные истории Ветхо го и Нового Завета, выбранные из Священного Писания»

Вероятно, именно от дьякона-законоучителя Достоевский услышал те «рассказы про “Божественное”», которые навсегда врезались в его память. Об этих рассказах, представляющих собой не что иное, как различные эпизоды из житийной литературы, Достоевский говорит в «Дневнике писателя» за 1877 год, вспоминая свое детство: «Да и вообще рассказы про “Божественное” очень любит русский народ. Мужики, дети их, в городах мещане, купцы даже этих рассказов заслушиваются, с умилением и воздыханием... И вот, верите ли вы тому, что по всей земле русской чрезвычайно распространено знание Четыи Минеи... Почему же так? А потому, что есть чрезвычайно много рассказчиков и рассказчиц о житиях святых. Рассказывают они из Четыи Минеи прекрасно, точно, не вставляя ни единого лишнего слова от себя, и их заслушиваются. Я сам в детстве слышал такие рассказы прежде еще, чем научился читать. Слышал я потом эти рассказы даже в острогах у разбойников, и разбойники слушали и воздыхали. Эти рассказы передаются не по книгам, а заучились изустно. В этих рассказах, и в рассказах про святые места, заключается для русского народа, так сказать, нечто покаянное и очистительное».

Эпизоды из житийной литературы встречаются во многих романах Достоевского. В частности, старец Зосима упоминает о том, как «приходил раз медведь к великому святому, спасавшемуся в лесу, в малой келейке, и умилился над ним великий святой, бесстрашно вышел к нему и подал ему хлеба кусок: “Ступай, дескать, Христос с тобой”, и отошел свирепый зверь послушно и кротко, вреда не сделав». Это рассказ из жития Сергия Радонежского.

Юность

Мать Достоевского умерла, когда ему было 15 лет. Ее смерти предшествовала долгая болезнь. Вспоминает Андрей Достоевский: «С осени 36-го года в семействе нашем было очень печально. Маменька с начала осени начала сильно хворать. Отец, как доктор, конечно, признавал ее болезнь, но видимо утешал себя надеждою на поддержание сил больной. Силы ее падали очень быстро... С начала нового 1837 года состояние маменьки очень ухудшилось, она почти не вставала с постели, а с февраля месяца и совершенно слегла в постель... Это было самое горькое время в детский период нашей жизни. И немудрено. Мы готовились ежеминутно потерять мать... Помню ночь, предшествовавшую кончине маменьки, то есть с 26-го на 27 февраля. Маменька перед смертной агонией пришла в совершенную память, потребовала икону Спасителя и сперва благословила всех нас, давая еле слышные благословения и наставления, а затем захотела благословить и отца. Картина была умилительная, и все мы рыдали. Вскоре после этого началась агония и маменька впала в беспамятство, а в 7-м часу утра 27 февраля она скончалась на 37-м году своей жизни».

Михаил Андреевич Достоевский – отец писателя

По свидетельствам близких, о своей матери Достоевский впоследствии говорил «с горячим чувством» и память ее хранил «с сердечной нежностью» (А. Г. Достоевская). Об отце, напротив, «он решительно не любил говорить и просил о нем не спрашивать» (С. Д. Яновский). И тому были свои причины.

О характере Михаила Андреевича сохранились противоречивые сведения. По некоторым данным, он отличался нетерпеливым и вспыльчивым характером. Вот лишь одно свидетельство: «Отец, при всей своей доброте, был чрезвычайно взыскателен и нетерпелив, а главное, очень вспыльчив... При малейшем промахе со стороны братьев отец всегда рассердится, вспылит, обзовет их лентяями, тупицами; в крайних же, более редких случаях даже бросит занятия, не докончив урока, что считалось уже хуже всякого наказания» (А. М. Достоевский). В то же время воспитание детей в семье Михаила Андреевича было, по тогдашним меркам, гуманным: детей не секли розгами, не подвергали иным телесным наказаниям, даже в угол не ставили.

После смерти жены Михаил Андреевич вышел в отставку и поселился в фамильном имении Даровое. А сына Федора отправил в Петербург, в Военно-инженерное училище.

Инженерное дело Федору неинтересно, и все свое свободное время он посвящает чтению. Гомер, Шекспир, Бальзак, Гюго, Гофман, Шатобриан, Шиллер, Байрон, Расин, Корнель, Пушкин, Лермонтов, Гоголь – вот далеко не полный список того, что он читает, проглатывая книги одну за другой. Постепенно в нем крепнет идея, возникшая еще в Москве: стать профессиональным романистом, изучать и описывать человеческие характеры.

В 18-летнем возрасте Достоевский теряет отца, который умирает, по одной версии, от апоплексического удара; по другой – его убивают крепостные, с которыми он обращался высокомерно и жестоко. Два дня тело его лежит в чистом поле. «Боже мой! Боже мой, какую ужасную смертью умер папенька! два дня на поле... может быть, дождь, пыль ругались над бранными останками его; может быть, он звал нас в последние минуты, и мы не подошли к нему, чтобы смежить его очи», – пишет Михаил Достоевский, старший брат Федора.

Смерть отца стала переломным моментом в судьбе Федора. Он тяжело переживает ее. По свидетельству одного из друзей, из веселого и шаловливого мальчика он едва ли не в одночасье превращается в нелюдимого и задумчивого юношу.

Усадьба Даровое

«Я пролил много слез о кончине отца», – пишет Федор брату Михаилу. Но в том же письме выражает уверенность в своем особом призвании: «Душа моя недоступна прежним бурным порывам. Все в ней тихо, как в сердце человека, затаившего глубокую тайну; учиться, “что значит человек и жизнь”, – в этом довольно успеваю я; учить характеры могу из писателей, с которыми лучшая часть жизни моей протекает свободно и радостно; более ничего не скажу о себе. Я в себе уверен. Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком».

В общей сложности Достоевский провел в Военно-инженерном училище 6 лет. Этот период жизни писателя отражен в рассказе старца Зосимы: «В Петербурге, в кадетском корпусе, пробыл я долго... и с новым воспитанием многое заглушил из впечатлений детских, хотя и не забыл ничего. Взамен того принял столько новых привычек и даже мнений, что преобразился в существо почти дикое, жестокое и нелепое. Лоск учтивости и светского обращения вместе с французским языком приобрел... Но вот что дивно: читал я тогда и книги, и даже с большим удовольствием; Библию же одну никогда почти в то время не развертывал, но никогда и не расставался с нею, а возил ее повсюду с собой: воистину берег эту книгу, сам того не ведая, “на день и час, на месяц и год”».

«Бедные люди»

В 1844 году Достоевский уходит в отставку с военно-инженерной службы. Это дает ему возможность с головой погрузиться в культурную жизнь Петербурга. Он посещает светские салоны, ходит на концерты известных музыкантов – как отечественных, так и приезжих; посещает представления в оперных театрах и спектакли в театрах драматических.

Но главное, что дает ему отставка, это возможность беспрепятственно заниматься литературным трудом. Он рад возможности писать. В то же время необходимость писать за деньги приводит его в отчаяние: «Беда работать поденщиком. Погубишь все, и талант, и юность, и надежду, омерзает работа, и сделаешься наконец пачкуном, а не писателем». Материальная нужда будет до конца дней преследовать Достоевского, наложит отпечаток на все его творчество.

В 1845-м он заканчивает свой первый роман – «Бедные люди». Работа над романом шла с трудом, и Достоевский сомневался в его успехе. Его даже посещали мысли о самоубийстве в случае неудачи. Он писал брату: «Если мое дело не удастся, я, может быть, повешусь»; «А не пристрою романа, так, может быть, и в Неву».

ПЕТЕРБУРГСКИЙ
СБОРНИКЪ,

ИЗДАННЫЙ

Н. НЕКРАСОВЫМЪ.

НЕКОТОРЫЯ СТАТЬИ ИЛЛЮСТРИРОВАНЫ.

В. Г. БѢЛИНСКІЙ.	Н. А. НЕКРАСОВЪ.
Ф. М. ДОСТОЕВСКІЙ.	А. В. НИКИТЕНКО.
А. СКАНДЕРЪ.	КН. В. Ф. ОДОЕВСКІЙ.
А. И. КРОНЕБЕРГЪ.	И. И. ПАНАЕВЪ.
А. И. МАЙКОВЪ.	ГР. В. А. СОЛЛОГУБЪ.
И. С. ТУРГЕНЕВЪ.	

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1846.

Титульный лист «Петербургского сборника» Н. Некрасова, в котором впервые был напечатан роман. 1846 г.

Форму романа в письмах Достоевский мог заимствовать у Гете, некоторые идеи у Белинского, а общую художественную «направленность» у Гоголя. Однако роман получился глубоко оригинальным. Достоевский сумел проникнуть в мир «маленьких людей», но его взгляд на них лишен гоголевской сатиры и насмешки. Это взгляд внимательного и сочувствующего наблюдателя, старающегося выявить глубинные пласты характера своих персонажей.

Герой гоголевской «Шинели» – заурядный чиновник Акакий Акакиевич Башмачкин, который собрал деньги на покупку новой шинели; когда ее у него крадут, он умирает. Герой Достоевского – Макар Девушкин, тоже мелкий чиновник, но только облагороженный: он любит не вещь, а живое человеческое существо, девушку-сироту Вареньку. Достоевский, «усвоив технику гоголевской школы, взрывает ее изнутри. Он очеловечивает смешного героя» (К. Мочульский).

Роман, вопреки опасениям автора, имел шумный успех. О Достоевском заговорили как о новом гении русской литературы. Некрасов, прочитав рукопись за одну ночь, прибежал к Достоевскому в четыре часа утра, чтобы выразить свой восторг. Затем со словами «Новый Гоголь явился!» передал рукопись Белинскому. Тот тоже прочел роман не отрываясь и пожелал познакомиться с автором. «Приведите, приведите его скорее!» – сказал он Некрасову.

Встреча с Белинским

Встреча с Белинским стала для Достоевского большим, но и роковым событием. В значительной степени именно она предопределила его будущую драматичную судьбу.

Когда мы обращаемся к литературной истории XIX века, мы спрашиваем себя: в чем феномен Белинского? Кто такой этот человек, что его статьями упивались выдающиеся писатели и поэты, безмерно превосходившие его по масштабу литературного дарования? Обладая незаурядным умом, искренностью и страстной верой в возможности реалистического метода изображения действительности, Белинский был свято предан литературе, и это привлекало в нем современников. Он был остер на язык, его меткие суждения широко расходились, каждое новое произведение он оценивал быстро и беспощадно. Отрицательная оценка Белинского воспринималась молодыми писателями как смертный приговор, а его похвала открывала им дорогу в большую литературу.

В. Г. Белинский. Гравюра. 1859 г.

При первой встрече Белинскому удалось произвести сильное впечатление на Достоевского. Немало способствовала этому восторженная оценка Белинским «Бедных людей». «Я вышел от него в упоении... Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни», – вспоминал впоследствии Достоевский.

Однако упоение скоро начало сменяться разочарованием. Одной из причин этого была ярко выраженная антирелигиозность Белинского. В 1845 году он писал Герцену: «В словах Бог и религия вижу тьму, мрак, цепи и кнут». В том же году состоялся разговор Белинского с Достоевским, который последний воспроизведет много лет спустя в «Дневнике писателя»:

– Да знаете ли вы, – взвизгивал он раз вечером (он иногда как-то взвизгивал, если очень горячился), обращаясь ко мне, – знаете ли вы, что нельзя насчитывать грехи человеку и обременять его долгами и подставными ланитами, когда общество так подло устроено, что человеку невозможно не делать злодейств, когда он экономически приведен к злодейству, и что нелепо и жестоко требовать с человека того, чего уже по законам природы не может он выполнить, если б даже хотел.

В этот вечер мы были не одни, присутствовал один из друзей Белинского, которого он весьма уважал и во многом слушался; был тоже один молоденький, начинающий литератор, заслуживший потом известность в литературе.

– Мне даже умилительно смотреть на него, – прервал вдруг свои яростные восклицания Белинский, обращаясь к своему другу и указывая на меня, – каждый-то раз, когда я вот так помяну Христа, у него все лицо изменяется, точно заплакать хочет... Да поверьте же, наивный вы человек, – набросился он опять на меня, – поверьте же, что ваш Христос, если бы родился в наше время, был бы самым незаметным и обыкновенным человеком; так и ступил бы при нынешней науке и при нынешних двигателях человечества.

– Ну не-е-т! – подхватил друг Белинского. (Я помню, мы сидели, а он расхаживал взад и вперед по комнате.) – Ну нет; если бы теперь появился Христос, Он бы примкнул к движению и стал во главе его...

– Ну да, ну да, – вдруг и с удивительною поспешностью согласился Белинский. – Он бы именно примкнул к социалистам и пошел за ними.

Суждения Белинского о Христе шокировали Достоевского: «Я застал его страстным социалистом, и он прямо начал со мной с атеизма... Как социалисту, ему прежде всего следовало низложить христианство; он знал, что революция непременно должна начинать с атеизма... Тут оставалась, однако, сияющая личность Самого Христа, с которою всего труднее было бороться. Учение Христово он, как социалист, необходимо должен был разрушать... но все-таки оставался пресветлый лик Богочеловека, Его нравственная недостижимость, Его чудесная и чудотворная красота. Но в непрерывном, неугасимом восторге своем Белинский не остановился даже и перед этим неодолимым препятствием, как остановился Ренан, провозгласивший в своей полной безверия книге “Vie de Jésus”¹, что Христос все-таки есть идеал красоты человеческой, тип недостижимый, которому нельзя уже более повториться даже и в будущем».

Завершая свой рассказ, Достоевский говорит: «В последний год его жизни я уже не ходил к нему. Он меня невзлюбил; но я страстно принял все учение его». Означают ли эти слова, что Достоевский вслед за Белинским отрекся от сияющей личности Христа? Нет. Возможно, он лишь на какое-то время, увлекшись Ренаном, утратил веру в богочеловечество Христа, но и об этом нет ясных свидетельств.

В 1846 году Достоевский не говел и не причащался. Но уже в начале 1847 года вернулся к церковной жизни. По свидетельству доктора С. Д. Яновского, и в 1847, и в 1849 годах Достоевский вместе с ним говел в Вознесенском храме и «делал это не для формы».

Обнаружившиеся идейные расхождения между Достоевским и Белинским заставляли последнего снижать градус похвал в адрес первого по мере выхода его новых сочинений, а затем и вовсе пересмотреть свое к нему отношение. Спустя два года после восторженного отклика на «Бедных людей» Белинский пишет одному из членов своего кружка, критику П. В. Анненкову: «Каждое его новое произведение – новое падение. В провинции его терпеть не могут, в столице отзываются враждебно даже о “Бедных людях”; я трепещу при мысли перечитывать их. Надулись же мы, друг мой, с Достоевским-гением».

¹ «Жизнь Иисуса» (фр.).

Яновский обладал церковною верою в Иисуса Христа как Богочеловека, верою, непоколебленною сомнениями, но и не разработанною личными усилиями ума. Наоборот, Достоевский в начале этого знакомства находился в кратковременном периоде утраты веры в божественность Христа, однако личность Христа и в это время, как в течение всей его жизни, оставалась для него идеалом и путеводною звездою. Поэтому он мог помогать Яновскому понять глубокий смысл многих истин Евангелия, а сам в свою очередь, может быть, под влиянием толчка, данного примером Яновского, вернулся к Церкви и пошел вместе с другом к святому Причастию, вероятно, в Великом посту 1847 года. Маловероятно, однако, чтобы этот возврат к Церкви был обусловлен только примером Яновского. Скорее следует предполагать, что он был подготовлен уже впечатлениями и размышлениями, оттолкнувшими его от увлечения Белинским и от всего его «европейского» кружка.

Н. О. Лосский. Достоевский и его христианское миропонимание

Достоевский не оправдал надежд Белинского, поскольку не пошел по тому пути, на который Белинский хотел его поставить, пустился в исследования человеческих характеров вместо того, чтобы заниматься социальной проблематикой. И тем не менее даже после фактического разрыва с Белинским Достоевский не сразу освободился от его влияния.

С. Д. Яновский

В 1847 году Белинский написал открытое письмо Гоголю, обрушившись на него с нападками за книгу «Выбранные места из переписки с друзьями». В этой книге Гоголь, известный всей России своей сатирической прозой, решился изложить свои взгляды на христианство, Православие, судьбу России. Книга подверглась критике с разных сторон. Еще на этапе подготовки к изданию на нее пыталась наложить вето духовная цензура на том основании, что

понятия о Церкви Русской и духовенстве в книге показались цензору «конфузными». Сам факт обращения светского писателя к духовным вопросам смутил цензора. Это препятствие, однако, удалось преодолеть, книгу напечатали с разрешения Святейшего Синода. Тогда уже за нее взялась либеральная критика, с точки зрения которой оценки, сделанные Гоголем, были тенденциозными и реакционными.

В своей книге Гоголь с большим вдохновением говорит о Церкви: «Духовенство наше не бездействует. Я очень знаю, что в глубине монастырей и в тишине келий готовятся неопровержимые сочинения в защиту Церкви нашей. Но дела свои они делают лучше, нежели мы: они не торопятся и, зная, чего требует такой предмет, совершают свой труд в глубоком спокойствии, молясь, воспитывая самих себя, изгоняя из души своей все страстное, похожее на неуместную, безумную горячку, возвышая свою душу на ту высоту бесстрастия небесного, на которой ей следует пребывать... Эта Церковь, которая, как целомудренная дева, сохранилась одна только от времен апостольских в непорочной первоначальной чистоте своей, эта Церковь, которая вся с своими глубокими догматами и малейшими обрядами наружными как бы снесена прямо с Неба для русского народа, которая одна в силах разрешить все узлы недоумения и вопросы наши, которая может произвести неслыханное чудо в виду всей Европы, заставив у нас всякое сословье, званье и должность войти в их законные границы и пределы и, не изменив ничего в государстве, дать силу России изумить весь мир согласной стройностью того же самого организма, которым она доселе пугала, – и эта Церковь нами незнаема!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.